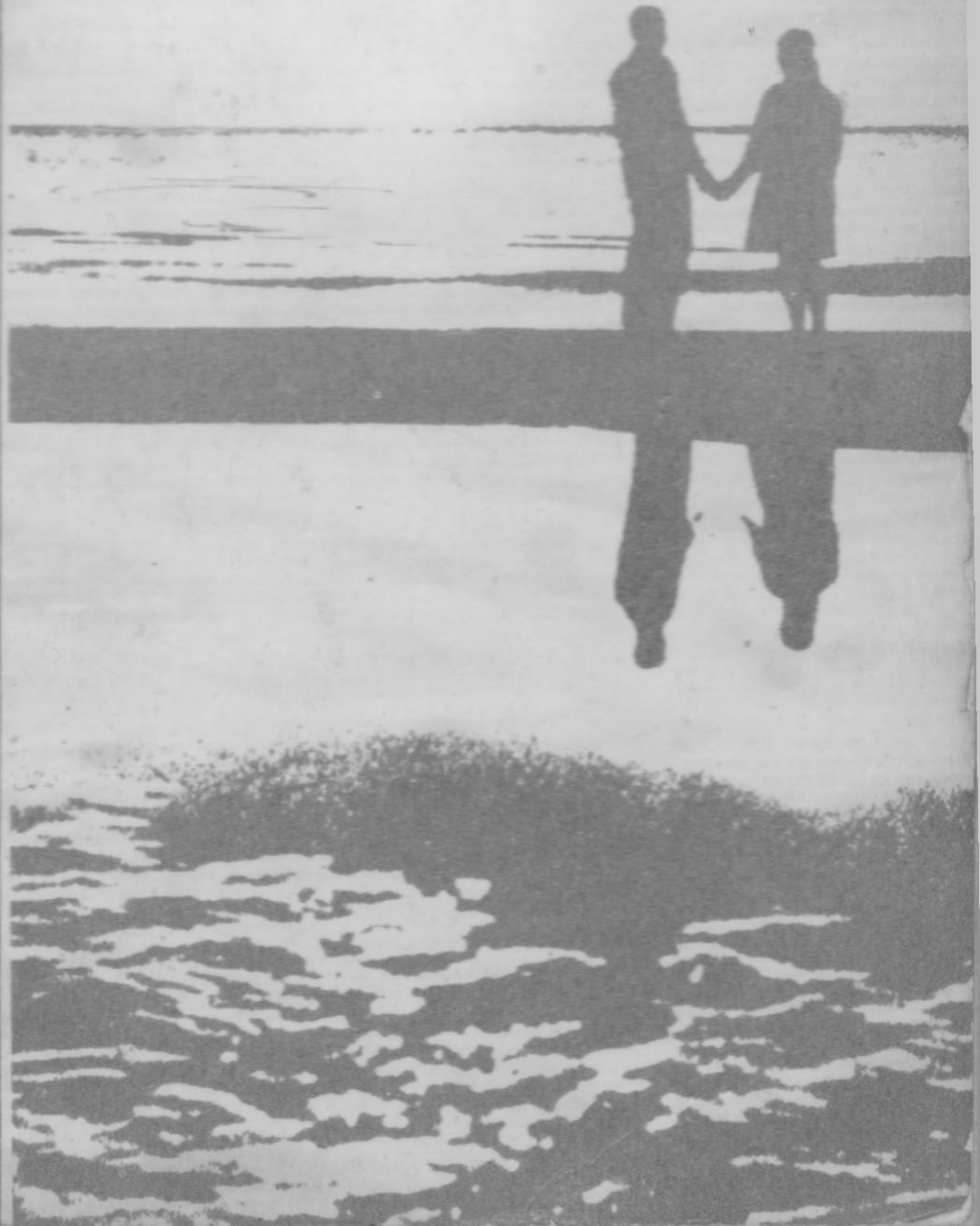

02
АДБ

СОВРЕМЕНИК

*Иван
Александров
Ядринка*

НОВИНКИ • СОВРЕМЕНИКА •

Иван Александров

Ядринка

Стихи

Москва 1976

P2
A46

+

21230L

✓

✓

Александров И. В.

A46 Ядринка. Стихи. М., «Современник», 1976.

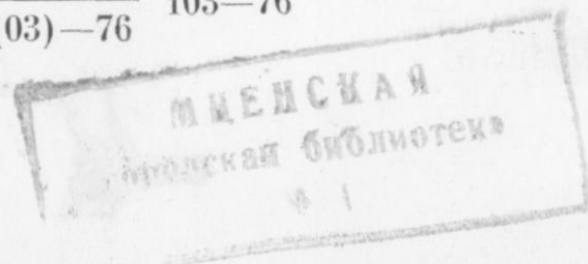
92 с. (Новинки «Современника»).

В новой книге поэт остается верен своей теме. Герои его стихов — наши современники: хлеборобы, воины, люди добродушные и мужественные, люди, хорошо знающие цену хлебу и миру.

70402—014

A $\frac{70402-014}{M106(03)-76}$ 103—76

P2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1976 г.

*

Дорога радует не всякого,
А я всю юность колесил
То прямоезжей на Кореяково,
То окружной на Новосиль.

А где-то в самой середине
Мои тропинок и дорог —
В тени крапивы и полыни —
Лежал родительский порог.

И я сворачивал в глубинку
И неизменно делал крюк,
Чтоб остывающую крынку
Принять из материнских рук.

И я невольно торопился
И не жалел, что крюк — большой.
Я, видно, с детства зацепился
За этот самый крюк душой.

Ты сидишь за рекой,
За Навальным Бродом,
Как была гречка,
Как должна была.

*

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б магушка-Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

*

Погляди:
За речкой,
За Пчелиным бродом
Забелела гречка,
Задыхала медом.

Пьешь не просто воздух,
А настой медовый.
Думаешь о звездах
В тишине садовой.

Сам ты в мирозданье
Кажешься пчелою,
Что летит за данью,
Данью восковою.

Скор и неприметен
Твой пчелиный век.
Все равно на свете
Ты счастливей всех.

Ты видал за речкой,
За Пчелиным бродом,
Как белела гречка,
Как дышала медом.

Люди носят ожоги
До могильной доски,
Потому что не боги
Обжигают горшки.

Люди носят ожоги
На руках, на губах.
Жгучий ветер эпохи
Застревает в сердцах.

Люди носят ожоги
От обид и разлук,
От недоброй дороги
И неласковых рук.

Люди носят ожоги
От огня и сурьмы,
Потому что не боги —
Обжигаемся мы!

В конце весны,
В начале лета,
В погожий день,
В ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета,
Цветет в Козюлькине сирень.

Сюда,
Измученный и сирый,
С кругами синими у глаз,
Пришел герой «Войны и мира»
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреневой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой, —
И становилась жизнь светлее,
Такой понятной и простой.

Когда бывает тяжело мне,
Когда на сердце ляжет тень,
Я говорю:
Живи и помни —
Цветет в Козюлькине сирень!

*

Там, где Ядринка петляет,
Там, где вьется Студенец,
То гармошка зарыдает,
То запляшет бубенец.

Это верно:
Предки знали,
Как им праздники справлять,
Чем гасить свои печали,
Где им жажду утолять.

Ведь живет молва поныне,
Что из этого ручья
Пил Микула, пил Добрыня,
Причащался сам Илья.

Ключ ядреный,
Ключ студеный,
Ключ былинно-зоровой,
Я пришел к тебе с поклонной,
С побелевшей головой:

Чтоб живой водой умыться,
Осушить до дна корец —
Там, где Ядринка дымится,
Где клубится Студенец.

Корни

Шептались деревца влюбленно,
Ласкали ветками меня.
Но сердце билось непреклонно,
В дорогу дальнюю маня.

Пришла разлука незаметно,
Мне надо трогаться уже,
А я взглянул на сад заветный
И вдруг почувствовал в душе:

Мне от села не оторваться,
Я навсегда к земле прирос
Корнями вишен и акаций,
Корнями яблонь и берез.

*

Я опять, усталый и счастливый,
В отчем доме завершаю путь.
Мокрой веткой старенькая ива
Тычется мне в грудь.

Снова в знак душевного привета,
В честь веселой встречи земляка
Поднесет мне медовухи лето
В чашечке цветка:

— Будь здоров и голову не вешай!
Перестань о прошлом горевать. —
Я уйду под вечер захмелевший
В поле зоревать.

Хочется мне полем надышаться,
Надышаться лугом и рекой,
Чтобы снова в песне отозваться
Доброю строкой.

*

Провожая в дальнюю дорогу,
За разлуку ласково браня,
Дед Илья пророчил у порога,
По плечу похлопывал меня:

— Чует сердце:
Станешь важной птицей,
Будешь на машине разъезжать.
Приживешься, голубарь, в столице
И забудешь,
Как косу держать...

...Дед Илья, эх, выдумщик плешивый,
Знаешь, до сегодняшнего дня
Ни жены, ни дачи, ни машины —
Ничего такого у меня!..

А бумагу — порчу!
Что бумага?
Сколько можно душу обнажать?
Разнесет какой-нибудь делега,
Что без папки хочется бежать.

Слава богу, что у нас с тобою
Есть надежный на земле приют,
Где бесплатно молоком запоят,
Но сметану даром не дают.

Значит, надо хлопотать по дому,
Тяпать свеклу и косить траву.
Это мне приятно и знакомо,
И, глядишь, до славы доживу!

Заявлюсь в какое-нибудь утро
И котомку сброшу на порог:
— Дед Илья,
Всевидающий и мудрый,
А ведь ты действительно пророк!

*

Недруги забывай почему-то,
Что Иван в царевичах ходил,
Что его в гонимую минуту
Даже серый волк не позовет.

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыши,
И ты на той развилке,
Печальная, стоишь.

Теперь у нас над Снежедью
Метель, метель, метель,
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега,
И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз,
И я сдвигаю брови
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима,
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

*

✓

Ивану Панькину

В нашей жизни
Всякое бывает,
Не грусти и не печалься, брат,
Что теперь все реже называют
Этим скромным именем ребят.

Не пропойцы мы и не пройдохи,
Ничего от мира не таим.
На виду разборчивой эпохи
С воротом распахнутым стоим.

Это злые люди рассудили,
Что душевность хуже воровства,
Что Иваны — это простофили
И не помнят своего родства.

Нас лишали имени и отчеств,
Сказок наплели и небылиц,
Сколько было
Всяческих пророчеств —
Никакие бредни не сбылись!

Сосчитай-ка,
Сколько за Россию
Полегло ее богатырей.
Это имя горько оросили
Слезы скорбных жен и матерей.

Недрузи забыли почему-то,
Что Иван в царевичах ходил,
Что его в тяжелую минуту
Даже серый волк не подводил.

Ну, а в жизни —
Всякое бывает,
Не грусти и не печалься, брат,
Что теперь все реже называют
Этим славным именем ребят.

*

Помню:
Дед, худ и сед,
Зашумит с полатей:
— Дай-ка, мать, соломах,
Соломат!

Дай-ка, мать, соломах,
Чтоб выиграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-милу было!

Хлебный дух, русский дух
Плыл по хате
От парной, заварной
Соломаты.

Деда нет, бабки нет —
Горькая утрата.
Да хранится секрет
Соломаты.

Попрошу родную мать,
Вспомнив детство:
— Дай-ка, мать, соломах —
Дедовское средство.

Дай-ка, мать, соломах,
Чтоб выиграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-милу было!

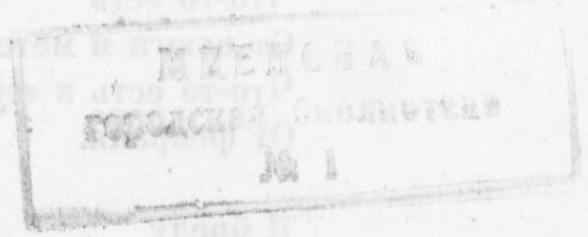
21230

Ну-ка, память, трогай дрожки
В Слободу Стекольную
Прямоезжею дорожкой,
А не то — окольною.

Мне знакома та и эта,
Той и этой хаживал.
А теперь дороги нету,
Нету и не спрашивай.

Значит, память, прямо к лугу,
Прямо к лугу Бежину:
Навестим бывшего друга,
Поклонимся прежнему.

Погорюем там немножко,
Что любовь оставила.
Заколодела дорожка,
Ой да замуравела.

Снежедь

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам
Не замести.
Я склоняюсь над тобою,
Снежедь,
Чтоб слова любви
Произнести.

Ты бежишь
Такая светло-синяя,
Золотыми брызгами слепя.
Что-то есть
От снега и от инея,
Что-то есть
От солнца у тебя.

Скачешь ты
От омута до мели,
Шумно завихряясь и бурля.
Что-то есть
От вьюги и метели,
Что-то есть в тебе
От февраля.

Я бреду
Сквозь белые туманы,
За тобой в историю иду.

Не твоим ли именем
Снежану
Окрестили вятчи в роду?

Может быть,
Над этою долиной
Заливался Вятко соловьем.
Что-то есть
Былинное-былинное
В родниковом имени твоём.

Словно Русь,
Нежна и своенравна,
Ты хранила мужественно честь.
Что-то есть в тебе
От Ярославны
И от Несмеяны
Что-то есть.

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам
Не замести.
Я склонился над тобою,
Снежедь,
Чтобы вновь:
— Люблю! —
Произнести.

*

Гляделись звезды робко в Снежедь,
Дремали кони на лугу.
Всю ночь, распугивая леших,
Горел костер на берегу.

Струился дым белесой лентой
И уплывал по сторонам.
Ребячьи сказки и легенды
Мешались с дымом мополам.

А у костра, поджав колени,
Не опуская добрых глаз,
Сидел задумчивый Тургенев
И слушал будущий рассказ.

Этот лес
Подарен мне в наследство,
Этот луг
Завещан предком мне.
Я блуждаю по тропинкам детства
В дедовской былинной стороне.

По земле, где вольно и просторно,
Прохожу легко и не снеша:
Сердце замирает от восторга,
Музыкою полнится душа.

Несказанно радостно и грустно
Шелестит зеленая листва.
Наплывают песенные чувства,
В очередь становятся слова.

Хорошо в сторонке от дороги
Повалиться на густой траве.
Ни о чем не думаешь,
А строки
Сами возникают в голове.

Тут по-свойски брагою напойт
И соленой шуткой угостят,
Радостью поделится любою
И расскажут про любой пустяк.

Тут про все услышу и узнаю,
Расспрошу у дедовской избы.
Я в свою деревню приезжаю
За стихами,
Словно по грибы.

*

Запалили мальчишки
Среди луга костер.
Шаловливые вспышки
Озарили простор.

Захлестнули округу
Золотые лучи.
Сердце Бежина луга
Запылало в ночи.

Бушевали метели,
И хлестал проливной.
Дни и ночи летели
Над родной стороной.

Стал иными делами
Старый луг знаменит.
А костер вечерами
Еще жарче горит.

И мальчишки в ударе
Размечтаются вслух:
— Братцы, вот бы Гагарин
Приземлился на луг!

Голоса замирают,
Улетая во мрак.
А костер полыхает,
Как посадочный знак.

Лесной уголок

Может быть,
Это было на Орлике,
Может быть,
На раздольной Оке.
Ворковали таинственно горлинки
В заповедном лесном уголке.

А в зеленом шатре под дубами
Торговал на пеньках лесовой
Земляникой, малиной, грибами,
Корешками и божьей травой.

Здесь без риска
Ни конный, ни пеший
По чащобе пройти не могли.
Здесь водились угрюмые лешие
И ревниво покой стерегли.

Здесь душа
Замирала при шорохе,
Ликовала при виде чудес.
Да нагрянули лютые вороги,
Загубили и сказку и лес.

Я иду по земле запустелой,
Спотыкаясь невольно о пни.
И стоят эти пни обгорелые,
Словно давние черные дни.

Зеленая память

Я снова вернулся на родину,
В страну босоногого детства.
Шумливая стайка осинок
Встречает у речки меня:

«Мы долго тебя ожидали,
Нам очень хотелось увидеть
Того, кто далекой весною
Заботливо нас посадил.

Живем мы светло и просторно,
Никто нас не рубит бездумно,
Никто нам ветвей не ломает,
Не трогает наших корней.

Нас поит студеная речка
Своею живою водою
И доброе, щедрое солнце
Своим согревает теплом.

Под небом высоким и ясным
Взошли озорные побеги.
Веселое шумное племя
Привольно вокруг разрослось.

Прими же от нас в благодарность
Вот эту корзину с грибами.

Наверное, этот подарок
Обрадует очень тебя».

«Спасибо, родные, спасибо
За ваше приветное слово,
За вашу зеленую память,
За эти дары и любовь.

Я снова от вас уезжаю,
Я с вами прощаюсь без грусти.
Приятно,- светло и спокойно
Сейчас у меня на душе».

Деревья помашут ветвями.
Умчится автобус вечерний.
Уеду и снова забуду
О них в городской суете.

Но вот заплутавшийся ветер
Ко мне донесет издалика
Тревожный, волнующий шелест,
Знакомый осиновый шум.

Я весь встрепелюсь в ожиданье,
Я вспомню заветную встречу
И вдруг догадаюсь невольно,
Что это в родимом краю,

На родине тихой и милой,
В стране бесоногого детства
Шумливая стайка осинок
Взгрустнула сейчас обо мне.

Мне станет тепло и уютно,
Я снова себя утешаю:
Живи, не горюй и не думай,
Что ты на земле одинок.

Я вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ну, почему тебя назвали —
Горелый лес, Горелый лес?

Никто не видел и не слышал,
Чтоб ты когда-нибудь горел.
А может быть, горел да выжил
И всем на радость уцелел.

Шumiшь ты, *
Светлый и зеленый,
Своею трепетной листвою
Над сизой пригородной зоной,
Над зарастающей Мецной.

Такой изведанный и дикий,
Ты завлекал не раз меня
Своей душистой земляникой
Или опятами у пня.

Спасибо, друг, за вдохновенье,
За красногрудую зарю,
За тихий шум,
За птичье пенье,
За лыжный след по январю.

И вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ах, почему тебя прозвали —
Горелый лес, Горелый лес?

*

Я шел росистою дорожкой,
Глядел рассеянно в ручей.
И вдруг серебряный горошек
В кустах рассыпал соловей.

От неожиданности сердце
Затрепетало, словно лист.
А он коленце, да коленце,
Да перещелк, да пересвиет.

А он, закатывая глазки,
Назло печали и беде,
Неподражаемо, как в сказке,
Играл на лешевой дуде.

И я старался осторожно
Сырые ветки отвести,
Чтоб разыскать в траве горошину
И, словно чудо, унести.

*

Я пойду
Ромашковой дорожкой
В тишину лужаек и полян,
Где живет
В бревенчатой сторожке
Добрый и лукавый старикан.

Он печально встретит у порога,
Скорбно сложит руки на груди
И прикрикнет безобидно строго:
— Заходи, пропащий, заходи!

Сколько лет
Не сиживал с тобою!
Где бродяжил? —
Честно отвечай. —
Будет пахнуть водка зверобоем
И душицей с земляничкой чай.

Все представлю
Явственно и зримо,
Расскажу
Про жизнь и про людей.
— Боже мой,
Да ты неисправимый
И чудной,
Как дуб без желудей.

Я и сам кукою в одиночку
И блуждаю по лесу до звезд.
Собираюсь —
Вот приедет дочка —
Забежать к старухе на погост.

Обниму до хруста седоглавого:
— Будь здоров!
Живи не унывай —
И свою зеленую державу
Никому в обиду не давай.

Я березку дерну за сережку,
Почешу за ухом у дубка
И светло потопаю дорожкой
В детство
От избушки лесника.

Бабуся

Взошла на горку старая —
И захватило дух.
Внизу светло и жарко
Горел цветами луг.

А на лугу в кого-то
Играла босота.
— Затопчут, обормоты,
Погинет красота!

Подходит и вручает
Мальчишка ей цветы:
— Заварочка для чая,
Чтоб не хворала ты.

Бабусе так приятно,
Что головой трясет:
— О боже,
Непонятный
Пошел теперь народ.

Старый колодец

Он поил дедов и бабок
Самой светлой ключевой.
Ну, а всех больных и слабых
Исцелял водой живой.

Знал он сказочные были,
Видел всяких удалцов
И, хотя его забыли,
Помнил каждого в лицо.

Ты найдешь его не сразу,
А отыщешь — не робей:
Он стрельнет зеленым глазом
Из-под сросшихся бровей.

Заглянешь в него, как в тайну,
Отведешь невольно взгляд,
Словно ты пред ним случайно
Тоже в чем-то виноват.

Сердца

Перекрестив досками ставни,
Заколотив гвоздями дверь,
Жильцы покинули Муравню
И где-то странствуют теперь.

А может,
Справив новоселье
И крест поставив на селе,
Они прижились и осели
Навечно в Туле и Орле.

А где-то в Лисьем и Сорочьем
От прошлых дней остались пни
И, как больные зубы ночью,
Покоя не дают они.

А где-то домик в два окошка,
Где мыши шастают теперь
И много лет скребется кошка
В ту заколоченную дверь.

И грудь мучительно занает,
И вдруг захочется с тоски:
Кому в Щеглы,
Кому в Хмельное,
Кому в Зеленые Лески.

Чтоб целый день пешком отмерив,
Взгрустнуть у старого крыльца.
Видать, забиты только двери —
Не заколочены сердца.

*

Вечно мальчишки в России:
В речке, в овражке, в леске —
Желтую глину месили,
В желтом возились песке.

— Где-то в лощине совиной,
Очень далеко, сынок,
Есть еще белая глина,
Есть еще красный песок!

Утром с большущей лопатой,
Чтоб не увидела мать,
Мчался мальчишка сопатый
Белую глину искать.

Следом ватага затопала
Через чужую повесть,
Чтобы у Малого Теплого
Красный песок посмотреть.

Скрылся никем не замеченный
В поле ребячий десант.
Дома до позднего вечера
Ищут пропавших ребят.

Детство ни в чем неповинно,
Память стучится в висок:
Снится мне белая глина,
Снится мне красный песок...

*

Мать присела на порог
У сухой завалинки.
Я стою у самых ног,
Щупленький и маленький.

Мать смеется:
— Ну, пошел,
Славный мой,
Хорошенький!
Не цепляйся за подол —
Пробуй,
Пробуй ноженьки.

Ты смотри, народ, смотри,
На мальчонку смелого.
Раз, два, три.
Раз, два, три...
Я полшага делаю...

— Раз, два, три.
Раз, два, три.
Раз, два, три — четыре! —
Я пускаю пузыри —
На ногах по гире.

Я ступаю и качаюсь,
Что былинка тонкая,
И на воздух опираюсь
Хрупкими ручонками.

Я ступаю целиною,
Напрягаю силушки —
И как будто за спиною
Зачесались крылышки.

Вероятно, так и было —
Я не помню этого.
То, что было,
То ушло,
Только я не сетую,

Что от этого порога,
От сухой завалинки
Пролегла моя дорога
В свет большой и маленький.

Что от тех заветных слов,
От дремучей младости
Я веду отсчет шагов,
Бед своих и радостей.

— Раз, два, три.
Раз, два, три.
Раз, два, три — четыре! —
Не пускаю пузыри —
Поднимаю гири.

Волоку свои печали,
Напрягаю силушки —
И как будто за плечами
Вырастают крылышки,

*Матери моей
Анне Емельяновне Александровой*

Пошлю красивую открытку
И пожелаю долго жить.
А мать присядет под ракитку
И станет снова ворожить.

На сердце —
Давняя тревога,
И карты подтвердят о том,
Что сына дальняя дорога
Опять ведет в казенный дом.

Заноют старенькие кости,
Глаза замутились от слез:
— А говорил,
Что скоро в гости!
А обещался на покос.

Эх, хороша трава в овраге!
Теперь от думок не засну.
Пойду-ка дедовы рубахи
Пока на речке сполосну.

Валек попробует руками,
Вздохнет, что стал тяжеловат, —
И ну лупить замшелый камень,
Как будто камень виноват.

Домой

Окидываю мысленно
Лощины и леса.
От Жилино до Киселино
Всего-то два часа.

Дорога, чай, наезжена,
Глядишь да повезет.
А все-таки по-прежнему
Под ложечкой сосет.

У матери хвороба,
Папаша тоже скис.
Деревья гневно ропщут
Сквозь снежный пересвист.

Завьюжило, завьюжило —
Ни колеи, ни звезд.
А мне протопать нужно
Еще десяток верст.

Хлестает ветер плетью,
Захватывает дух.
И огонек последний
За ветками потух.

Заледенели руки,
Совсем не чую ног.
Нетерпеливо стучаю
Ботинком о порог.

Покрытая тужуркой
Спешит навстречу мать:
— Знать, появился, урка? —
А урке — тридцать пять.

И, стяхивая дрему,
Она корит меня:
— Видать, совсем от дома
Отбился бродяжня!

Я зябко руки прячу
И хохочу сквозь боль.
И лишь ботинки плачут
На деревянный пол...

*

Приеду — разобью палатку
В своем заброшенном саду.
Засну мечтательно и сладко,
Как на семнадцатом году.

А утром ветер встрепенется,
Босой промчится по траве.
И с ветки яблоко сорвется
И угодит по голове.

Меня невольно опечалит,
Что я тут вроде чужака:
Татарник колет, пчелы жалят,
Крапива жжет исподтишка.

Ну, кто их на меня наводит?
Ну, кто натравливает их?
Не домовый ли рядом ходит
Вот в этих зарослях густых?

Я грустным взглядом сад окину
И вдруг сквозь сетку купырей
Увижу дедовы морщины
У старых яблонь на коре.

**Притча
о блудном сыне**

Долго злился, долго дулся,
Долго слуха не давал.
А когда домой вернулся,
Ничего не узнавал.

Бродит грустный и унылый,
Пялит мутные глаза:
Где тут тяпка,
Где тут вилы?
Где тут серп,
А где коса?

Ну, а это что такое? —
Крутит черные усы.
Оступился — да ногою
На дубовые клевцы.

Видно, ноги не ослабли —
Высоко взлетел держак.
— Боже мой,
Да это грабли! —
И потер на лбу синяк.

Что горожане, что крестьяне —
Одною связаны судьбой.
А все же чувствуются грани,
Что между мною и тобой.

Они стираются, бесспорно,
А все же ведает душа,
Что холодят порою горло,
Подобно лезвию ножа.

В одних делах, в одних заботах
Живет единая семья.
А вот на резких поворотах
То ты порежешься, то я.

Видать, немало в колебанье
Еще поранится сердец,
Пока зазубренные грани
Сотрутся в жизни наконец.

*

Снова сын с невесткой
Деда атакуют.
Снова очень веско
Старику толкуют:

— Главная усадьба,
Новая квартира:
Жить да поживать бы
На виду у мира!

Дед не хочет слушать,
Гневен и упорен:
— Значит, дом порушить
И порушить корень?

— Не мели, Емеля,
Корень корню — рознь:
Там земля-земелька,
Тут копни и брось.

Дед собрался с духом,
Режет правоту:
— Значит, брось старуху,
Словно сироту?

— Ты оставь в покое
Матушкины кости:

Соберемся трое,
Вспомним на погосте.

Дед рукою дряблою
Трет со злостью лоб:
— Ну, а сад? А яблонки?
Лучше сразу в гроб!

Вырыли антоновки,
Увезли с собою.
А в саду воронки,
Словно после боя.

Вспомнил дед забитый дом,
В деревеньке брошенный:
Там теперь бурьян кругом
И кругом не кошено.

Там в заветном уголке
Под густой ракитой
Ждет коса на чердаке,
По весне отбитая.

Надевает дед штаны
И рубаху свежую —
И подался от жены
На усадьбу прежнюю.

Что ты, брат, ни говори,
А коса бедовая:
Лихо порет купыри,
Лопухи садовые.

Подошел дремучий дед,
Усмехнулся в бороду:
— Знать, соскучился, сосед?
Не сидится в городе?

— Да без дела не сижу.
Как тебе сказать бы:
Вот порядок навожу
На былой усадьбе.

Сам протер косу травой
И вздохнул нечаянно:
— Чтоб не думал домовой
Плохо про хозяина...

Сторож

Повезло мне, старику:
Век пахал и сеял,
А теперь на току
Вроде ротозея.

Карауль, дуралей,
Скошенное поле.
От кого — от мышей?
От кого же боле!

Ворковал бы в тепле
Со своей старухой.
Видит:
«Газик» во мгле
Фарой поле нюхает.

Заплутался допоздна
Секретарь райкома.
— Как живешь, старина?
Не сидится дома?

Дед, как лунь,
В стороне,
Шапку сняв,
Топчется:
— Эту должность
Только мне
Доверяет общество!

Сам берет пшеницы горсть,
Как совком-лопатушкой:
— Полюбуйся,
Добрый гость.
Ох, ядрена матушка!

Повезло мне, старику:
Век пахал и сеял,
А теперь на току
Вся моя Расея!

Коса

Зеленка нежится в омете,
Трава духмянится в стогу.
Висит коса на перемете,
Грустит о зорях на лугу.

Коса грустит о луговине,
Где раньше барыней была.
Да там вершит косилка ныне
Свои законные дела.

А было время — было, было! —
Минули эти времена,
Когда коса народ кормила,
Как плуг, соха и борона.

Другое время и заботы,
А все равно, а все равно
Коса не может без работы,
Хотя на пенсии давно.

Пока у леса есть опушка,
Пока у речки — берега,
Не заржавеет и старушка
И будет людям дорога!

Она живет светло и тихо,
 Без лишней грусти и забот.
 Однажды в месяц почтариха
 Вручает скромный перевод.

— Видать, еще не позабыли,
 Что я, бездельница, живу!
 А ведь была когда-то в силе
 И рожь косила, и траву.

И станет бабушка делиться
 Своим старушечьим «ку-ку»:
 Какие были-небылицы
 Перевидала на веку.

— До самой смерти не забуду,
 Как тяжки плуг и борона,
 И по распутью по два пуда
 Таскала раньше семена.

Теперь-то нету прежней боли,
 Не по-людски, а кое-как:
 И без души картошку полют,
 И свеклу тяпают не так!

Чего и не было в помине:
 На каждой былочке — паук
 И в огород прокрался ныне
 Какой-то чужеземный жук...

И беды все — от недогляда,
От лени-матушки, от ней.
И до того берет досада,
Что просто стыдно за людей.

И ты подумаешь невольно,
Вздыхая над чужой судьбой,
Что всем-то бабка недовольна,
А если вдуматься — собой!

Петух

Еще темно в деревне,
И смотрит сны народ,
А он зарю на гребне
Выносит из ворот.

За гребень красно-бурый,
За шпоры-востряки
Его любили куры,
Хвалили старики.

Сноровистый и смелый,
Взлетал он на сарай:
Горланил очумело,
Хоть уши затыкай.

— Опять распелся ухарь,
Опять накличет гром! —
Не выдержит старуха —
С метлой за петухом.

— Да замолчи ты, плутень!
Проголодался, вишь.
Весь день с чужими блудишь,
А жрать домой бежишь!

Ну, я тебе, анчутка,
Дурную — оторву! —
Свалился гребень чудный
В зеленую траву.

*

Помню встречу,
Смех и речи —
И парное молоко.
Вот и снова зимний вечер,
Только очень далеко.

Может, так же
Снег и ветер
И сугробы — не пройдешь.
Ну, а ты коровам лето
По охапке выдаешь.

На губах травинка хрустнет:
Это утро, дуг, роса...
И невысказанной грустью
Затуманятся глаза.

Доярка

Свела свою Буренку
Под осень на базар.
Осталось два куренка
Да старый самовар.

«Зачем башку морочить
О сене, о зиме?
А молока захочется —
Схожу к куме».

Судачат бабы жарко
На выгоне села:
— Смотри, пошла в хожалки —
Одну не сберегла!

— А мне теперь положено
Иметь полсотни душ.
И все они ухожены,
И все свои к тому ж!

Придет домой — вздыхает,
Бедовый пьет завар.
Ну, а сама сияет,
Как медный самовар.

Увозит девок и молодок
Приятель на заречный ток.
Мелькают пики загородок
Из свежекрашенных досок.

А вот и белый дом у речки,
Невольно дрогнула душа:
Жена скучает на крылечке,
Качая в люльке голыша.

— А ну, бедовая бригада,
Споем шоферу своему:
«Живет моя отрада
В высоком терему...»

Шофер опомнится у тока:
— Эй, девки, завяжите рот! —
А те, подмигивая сбоку,
Полезут шумно через борт.

— Нет, раньше было интересней:
Пока до полюшка дойдешь,
Ну, все-то байки,
Все-то песни
Переберешь,
Перепоешь.

И станут с явною досадой
Они ворчать и сожалеть,
Что не успели про отраду
Свою заветную допеть.

Кузнец

На всю округу знаменитый,
Творил он в кузне чудеса.
А тут, смущенный и сердитый,
Отводит в сторону глаза.

— Да вроде должность устарела,
А все идут и едут все.
Вот потому — известно дело —
Кручусь как белка в колесе.

Я вижу сам:
Вздыхают бабки,
Ломают шапки мужики,
Вручая парню косы, тяпки,
Клевцы, лопаты, сошники.

На всю округу знаменитый,
Творит парняга чудеса.
У кузнеца своя орбита —
Железный обруч колеса!

*

Бредут гурьбою
Облака над степью,
А кажется тебе издалека,
Что это трактор тянет на прицепе
Блуждающие в небе облака.

Не просто тянет,
А сгребает в кучу
Разрозненные тучки над землей,
Чтоб грузная темнеющая туча
Обильно пролилась над головой.

У трактора нелегкая работа,
Когда жара неистово печет.
Едва хлестнули капли по капоту —
И задымил испариной капот.

Ударил гром
Над пашней и садами
Во славу добрых и горячих дел.
Такое необычное задание,
А парень с блеском
Выполнить сумел!

Вина

Агроном вспылил на тракториста:
— Заново весь гон перепаша!
Ты, мой друг, работаешь не чисто
И земельку пашешь без души.

И казалось пареньку порою:
Даже грач, узнав его вину,
Шел за плугом свежей бороздою,
Измеряя клювом глубину.

День слепяще яркий
Нашей встрече рад.
— Что-то слишком жарко
Лемеха горят!

Лемеха лучатся,
Радостно-светлы:
Видимо, от счастья
И от похвалы.

Парень кепкой машет,
Словом сердце греет:
— Если лемех пашет,
То не заржавеет!

Микула

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокота и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула!

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают — Миколай,
Ну, а я Микулой величаю.

Не отнимешь —
Ладен и пригож!
Залобуюсь иногда украдкой:
Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былинку наизусть,
Ты прочел по-своему былинку:
Бросил сошку за ракитов куст
И охотно пересел в кабину.

Разговор
бригадира
с горохом

— Видать, заждался
И залег от скуки?
Я вижу сам:
Неважные дела.
Прости, браток,
Что не доходят руки,
Других забот
Хватает у села.

Был взгляд его
Печален и тревожен,
И, как от боли,
Ширились зрачки,
Когда в него
Дробинками горошин
Стреляли
Перезрелые стручки...

*

Два знакомых деда
По пути сошлись.
Занялась беседа:
Как дела, как жизнь.

Первый вынул трубку,
Что в узорах сплошь:
— Уж полезла в трубку
За канавой рожь!

— А у нас вот нынче
Горько плакал кот:
Былка былку кличет,
Решка да осот.

— Значит,
Где-то в трубку,
А у вас — в трубу! —
И пустою трубкой
Постучал по лбу.

*

Свежий хлеб — ржаное чудо —
На моем лежит столе.
Без него бывало худо,
Очень худо на земле.

Пухли руки,
Пухли ноги,
Человек слабел и слеп.
До последней малой крохи
Отдавался людям хлеб.

Я раскаиваюсь горько,
Не забыть того греха:
Я швырнул однажды корку
В забияку-петуха.

— Запорю! —
Вспылила бабка. —
С хлебом, мальчик, не дури:
Церд ним снимали шанку
Даже грозные цари!

*

За ракитовой канавой,
За околицей
Уродилась рожь на славу —
Людям молится.

Все до колоса прибрали,
До соломины.
Прочь, тревоги и печали,
Здравствуй, новина!

Хочешь с полем породниться —
Руки выпачкай.
Любо-милу хлеб дымится
Первой выпечки.

Даже в поле за канавой,
За ракитником
Пахнет хлебною приправой,
Свежим ситником.

*

Откоптили черные избушки,
Никакой их бог не уберег.
Словно ветром,
Сдуло деревушки
У глухих оврагов и дорог.

Не подумай,
Что порвались корни,
Опустели гнезда по весне.
Стало не пустынной,
А просторней
И светлей
В родимой стороне.

*

Вот и вывели стропила,
Замостили потолок.
Солнце щедро окрошило
Окна, стены и конек.

Заплутавшийся случайно
Позавидовал скворец.
Только тайна,
Только тайна,
Для кого такой дворец.

Может быть,
Дорожка к дому
Станет милой и родной
Молодому агроному
И медичке озорной.

Дом построен,
Дом построен,
Поглядишь — раскроешь рот.
Ну, а кто его достоин,
Пусть рассудит сам народ.

А пока,
Большой и гладкий,
Кот об угол трет бока,
Да залетные касатки
Вьются, вьются у конька.

Куличи

Здесь все
По-деревенски ново:
Диван, приемник и буфет.
Ни стана с крашеной основой,
Ни прялки бабушкиной нет.

Лампадки, лампы и лучины —
Как не бывало никогда.
В просторной горнице лучисто
Горит под матицей звезда.

Меня охватывает жалость
При виде этого всего.
Быть может, что-нибудь осталось
Еще от детства моего?

Лишь на столбу, на перемычке,
От солнцепека горячи,
Сидят фарфоровые птички,
Как бабушкины куличи.

*

Снежный ветер ударялся в пляску,
Голосила вьюга под окном.
Бабушка рассказывала сказку
Про колдунью с длинным помелом.

Сывала мудреные словечки,
Седенькой мотала головой.
А в трубе за старенькою печкой
Завывал сердито домовой.

Я сжимался в ужасе от страха
В маленький упругий комочек.
Трепыхалось сердце под рубахой,
Словно сетью пойманный щурок.

С той поры немало прогудело
Над моею деревушкой вьюг.
А порою пробежит по телу
Беспричинный трепет и испуг.

Что скрывать —
Печальная развязка:
Бабушка давным-давно в земле,
А за нею ускакала сказка
От меня на длинном помеле.

Легенда о Кукше

То водой, то сушью,
Сквозь собачий лай
Пробирался Кукша
В вятический край.

— Киев-град стольный
Жалует сюда! —
Встретил хлебом-солью
Кукшу Борода.

Вятичи ценили
Мудрость вожака:
Щедро одарили
Лаской чужака.

В честь такого гостя,
Расшибая лбы,
Брали на погосте
Белые грибы.

Кто-то с луком крался
К беличьей сосне.
Кто-то спешно мясо
Жарил на огне.

Был напиток бражный,
Было яств — не счесть.
Был великий праздник
В Кукшину честь.

Ну, а Кукша мрачен,
Кукша поражен.
— Вы меня дурачите? —
Обозлился он.

Гаркнул Кукша зычно,
Плюнул вниз с моста:
— Дьяволы, язычники,
Нет на вас креста!

Где же божье дело? —
Разъярился гость. —
Перебить всех белок,
Распахать погост!

Был тот окрик грозен,
Страшен и горяч:
Кто поклоны оземь,
Кто в истошный плач.

Горько иноверцам:
В чем их страшный грех?
Ведь они всем сердцем
Привечают всех.

— Что вы, черти, плачете? —
Рявкнул Борода. —
Не плошайте, вятичи!
Чуете: беда...

Где Сухая Зуша
Прорезает лес,
Проповедник Кукша
Под мостом исчез.

Городок

Я стою и слушаю
Рокот заводской.
Дым повис над Зушею
Сивой бородой.

Вдоль дорожной линии
Раздается вширь
Мценский алюминиевый,
Словно богатырь.

Зарастал малиной,
Под дождями мок
Древний и былинный
Русский городок.

В синий омут канули
Эти времена.
Молодыми планами
Бредит старина.

Мне с тобою весело,
Мне легко с тобой,
Городок мой песенный,
Дымно-голубой.

Под твоими лицами
Я любил и пел.
Под твоими лицами
Рано поседел.

Потому и дороги
Бесконечно мне
Белый храм на взгорке,
Краны в вышине,

Стаи голубиные,
Липы в два ряда
И твоя былинная
Чудо-борода.

Листопад

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

Листья весело кружатся
У людей на виду,
Оседая на лужицы,
На дорожки в саду.

Небо дышит прохладою,
Дождь стучит по плащу.
Ни на что не досадую,
Лишь украдкой грущу.

Где ты, вешняя звончатость,
Переливчатый смех? —
Вот и молодость кончилась,
Скоро выпадет снег.

Скоро все запорошится:
И кусты, и трава,
И сырые дорожки,
И моя голова.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

Мы рано детство потеряли
В чужой далекой стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули по войне.

Нет, воз тот был не символический,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И всякой кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

— А им-то легче, им-то легче? —
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

— Ну, хорошо: давай немного,
Еще немножко поднажмем. —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъем.

Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду...
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там еще бредем.
Мы рано детство потеряли
И поздно зрелость обретем.

*

Упорно не забываются,
Все вспоминаются мне
Дороги эвакуаций,
Ведущие по войне.

Тянуло полынью горькой,
Палило огнем лучей.
Несла меня мать на закорках
И узелок на плече.

Брела в поводке корова
И ревом сводила с ума.
В запасе — ни хлеба, ни крова,
В запасе — лихая зима.

Мне никуда не деться,
От памяти не убежать:
По этим дорогам из детства
Меня уносила мать...

*

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Льдины бьются друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутятся льдины, трутятся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Снаряжает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее.

*

Я помню:
Медленно и туго
Расходится дубовый круг,
А зерна трутся друг о друга
И повторяют крух да крух...

Кручу устало
Час за часом
Тот круг
И радуюсь тайком:
Теперь у нас картошка с квасом,
Теперь лепешки с молоком!

Ах, эта мельница ручная,
Ее смешные жернова:
Порой невольно вспоминаю
И кругом ходит голова.

Я эту мельницу без боли,
А с легким сердцем помяну:
Ведь мы на ней перемололи
Такую долгую войну.

Баллада о верности

Дома от боли охали,
Как люди на войне.
Враги стреляли в Гоголя,
Толстого жгли в огне.

Надев стальные каски,
Винтовку взяв с собой,
Сходили с полок классики
И принимали бой.

В одной большой лавине
Они в атаку шли.
Их танками давили
И пулями секли.

Им отрывало руки
Осколками брони.
А им плевать на муки —
Бессмертные они!

Взглянув на мир сурово,
Смахнув святую кровь,
Они вставали снова
И шли в атаку вновь.

Бесстрашные такие
Ломились напролом
Под Харьковом и Киевом,
Под Курском и Орлом.

Хранили беспримерно
В пороховом дыму
Классическую верность
Народу своему...

Победу шумно празднуя,
Пришли они домой,
Хорошие и разные,
С завидною судьбой.

Стальные сбросив каски,
Пробитые в бою,
Стоят на полках классики
В порядковом строю.

*

Под старую раки́той
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он на работу звал.

Он был для всех как совесть
В суровые года:
Запел — большая новость,
А задрожал — беда.

На звон его горластый,
На этот властный зов
Спешили бабы часто,
Не подоив коров.

Вот так, наверно, били
Деды в колокола,
Когда пожары были,
Когда война была.

Пускай не тем набатом
Плужной отвал трубил,
Он был их кровным братом,
Их младшим братом был.

Под старую раки́той
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он всех на подвиг звал.

Я узнаю его по форме,
Опознаю его в лицо:
Вот с этой прядкой непокорной,
Что завивается в кольцо.

Я помню:
Весь заиндевельный,
В густом морозном серебре,
Он появился в форме белой
Декабрьским утром во дворе.

Заиндевело-белый лыжник
Ступал по снегу тяжело.
И мал и стар навстречу вышли
И проводили за село.

Кто знал,
Что у тропы прибрежной
Его засада стерегла?
Теперь стоит он —
Белоснежный —
На главной улице села.

В глазах
Ни грусти, ни печали —
Суровый взгляд,
Тревожный взгляд.
Стоит солдат на пьедестале
И не снимает маскхалат.

*

Далеко ушла война,
Укатили пушки.
Баб попутал сатана
На лихой пирушке.

Ни дороги, ни следа.
Зимно и безлунно.
Рвет ветряка провода,
Словно ухарь струны.

Подгулявшие в гостях
Прыснут молодайки:
— Во наяривает, враг,
Как на балалайке!

В хате пляска, в хате гром,
Встречно-поперечно:
Ходит пол ходуном,
Вздрагивает печка.

— Не жалея каблуки,
Новые закажем.
Вот вернутся мужики,
Мы не так спляшем!

Кукушки

В знакомой роще на опушке
Кукуют мирные кукушки.

А мне запомнились другие,
Как смерть, коварные и злые.

Те подавали голос свой
Не только летом — и зимой.

Одно мгновенное «ку-ку» —
И кровь дымилась на снегу.

А где-то там жена и мать
Весь век остались куковать.

И горько вторят на опушке
Им нынче мирные кукушки.

*

Снова гибнут люди где-то,
Где-то кровь и слезы льют.
Только я представлю это,
Дыбом волосы встают.

Ясно вижу муки плена,
Слышу горький плач детей.
Каждый волос, как антенна,
Ловит боль и скорбь людей.

*

В Хиросиме скорбно и протяжно
Колокол вещает о беде,
И плывут кораблики бумажные
С именами мертвых по воде.

Снова стонут камни в Хиросиме
На глазах у выжженной земли.
И стоят у берегов России
На бессонном рейде корабли.

И следят моря и океаны,
Чтоб вовек не порвала беда
Параллели и меридианы,
Как во время бури провода.

Широкая грудь

Над трибуной вскинулась рука:
— Если вновь заговорят орудия,
Мы страну родную от врага
Защитим своей широкой грудью!

Донимали в шутку паренька
С той поры друзья-однополчане:
— Ну и грудь у Сашки широка,
Прямо богатырское созданье.

Улыбался и краснел солдат —
В самом деле перегнул немного.
Только раз он осадил ребят
И сказал задумчиво и строго:

— Бросьте вы, пожалуйста, острить:
Если знать действительно охота,
Этой груди хватит, чтоб закрыть
Амбразуру вражеского дзота.

Прощание

Я уезжал,
Я на вокзал спешил,
И, может быть, на вечную разлуку
Я торопливо жал ребятам руку,
С которыми три года прослужил.

Прощай, казарма,
Мой солдатский дом!
Я двери не закрою за собою.
Я знаю: мне последний был «подъем»
И не было последнего «отбоя»!

*

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца.
Березки, березки, березки —
От Спешнева до Студенца.

Пойду по лесам спозаранку,
Увижу в рассветную рань
Берещино и Берестянку,
Березовку и Березань.

Я стану на старом кургане,
Стою и гляжу не дыша:
От этих берез и названий
Невольно светлеет душа.

Почудятся вновь перекрестки
И свадебный звон бубенца,
И кружатся в танце березки
От Спешнева до Студенца.

Содержание

«Дорога радует не всякого...»	3
«Мой дед всю жизнь пахал и сеял...»	4
«Погляди: за речкой...»	5
«Люди носят ожоги...»	6
«В конце весны...»	7
«Там, где Ядринка петляет...»	8
Корни	9
«Я опять, усталый и счастливый...»	10
«Провожая в дальнюю дорогу...»	11
«Теперь у нас в Гудиловке...»	13
«В нашей жизни всякое бывает...»	14
«Помню: дед, худ и сед...»	16
«Ну-ка, память, трогай дрожки...»	17
Снежедь	18
«Гляделись звезды робко в Снежедь...»	20
«Этот лес подарен мне в наследство...»	21
«Запалили мальчишки среди луга костер...»	23
Лесной уголок	24
Зеленая память	25
«Я вновь задумаюсь в печали...»	27
«Я шел росистой дорожкой...»	29
«Я пойду ромашковой дорожкой...»	30
Бабуся	32

Старый колодец	33
Сердца	34
«Вечно мальчишки в России...»	36
«Мать присела на порог...»	37
«Пошлю красивую открытку...»	39
Домой	40
«Приеду — разобью палатку...»	42
Притча о блудном сыне	43
«Что горожане, что крестьяне...»	44
«Снова сын с невесткой...»	45
«Вспомнил дед забитый дом...»	47
Сторож	49
Коса	51
«Она живет светло и тихо...»	52
Петух	54
«Помню встречу, смех и речи...»	56
Доярка	57
«Увозит девок и молодок...»	58
Кузнец	59
«Бредут гурьбою облака над стенью...»	60
Вина	61
«День слепяще яркий...»	62
Микула	63
Разговор бригадира с горохом	64
«Два знакомых деда...»	65
«Свежий хлеб — ржаное чудо...»	66
«За ракитовой канавой...»	67
«Откоптили черные избушки...»	68
«Вот и вывели стропила...»	69
Куличи	70
«Снежный ветер ударялся в пляску...»	71
Легенда о Кукше	72
Городок	74
Листопад	76
«Мы рано детство потеряли...»	77
«Упорно не забываются...»	79

«Слышен треск на всю округу...» . . .	80
«Я помню: медленно и туго...» . . .	81
Баллада о верности	82
«Под старую ракитой...»	84
«Я узнаю его по форме...»	85
«Далеко ушла война...»	86
Кукушки	87
«Снова гибнут люди где-то...»	88
«В Хиросиме скорбно и протяжно...»	89
Широкая грудь	90
Прощание	91
«Знакомых дорог перекрестки...»	92

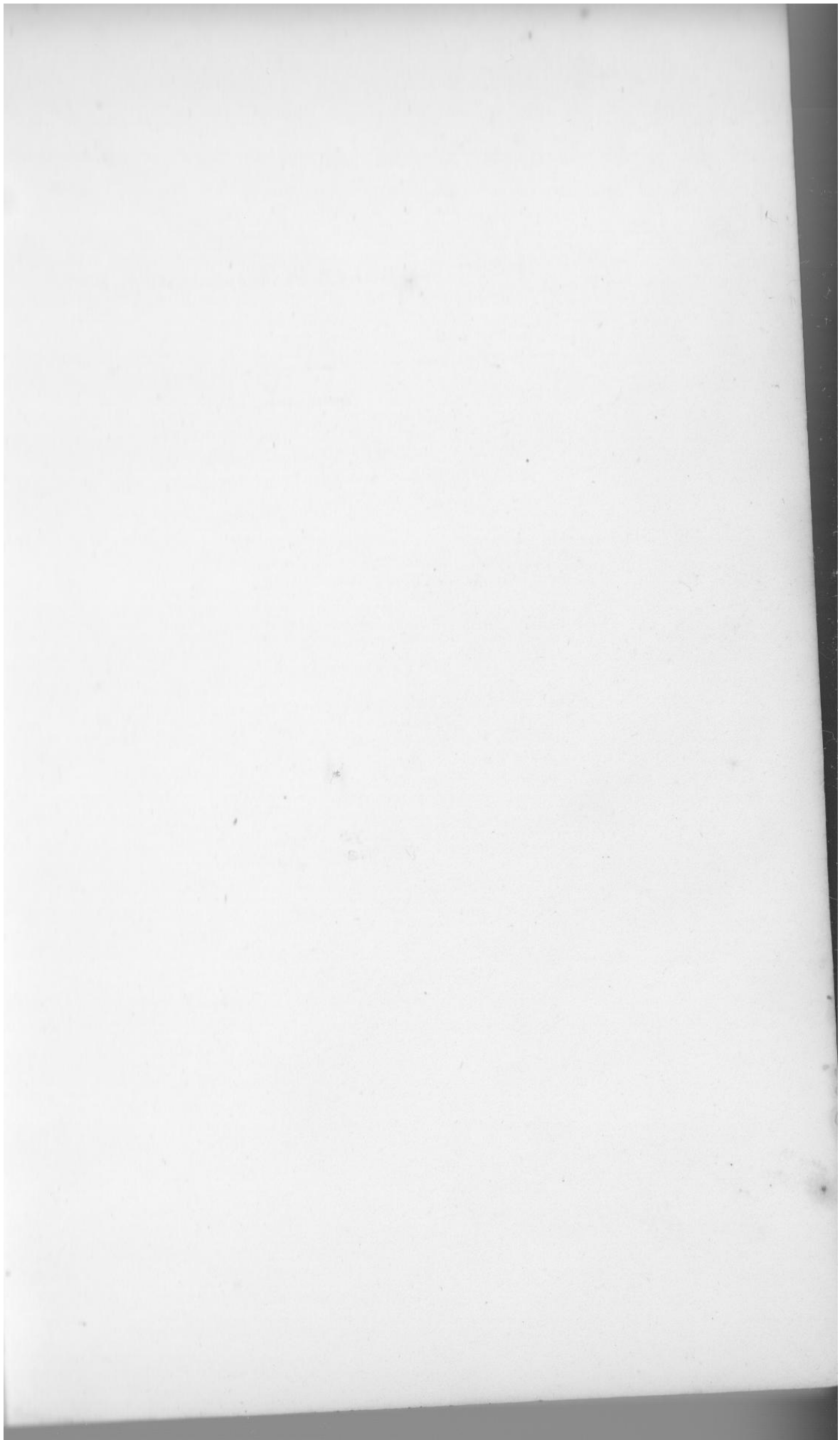
Иван Васильевич Александров
ЯДРИНКА
Стихи

Редактор **А. Меньков**
Художник **И. Сайко**
Художественный редактор **Б. Мокин**
Технический редактор **Л. Киселева**
Корректор **Н. Попикова**

Сдано в набор 5/IX-1975 г. Подписано к печати 2/XII-1975 г. А 12931. Формат изд. 70×90^{1/32}. Бумага для глуб. печ. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 2,51. Тираж 10 000 экз. Заказ № 6094. Цена 35 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, г. Рязань, ул. Новая, 69
Рязанская областная типография.

Поэт Иван Александров живет в старинном городе Мценске. Просто и откровенно пишет он о родной земле, о знаменитых тургеневских местах. Мир поэта красочен и свеж; в нем играют вешние воды, колосятся поля и шумят рощи. Биография поэта, сливающаяся с биографией поколения, вмещает в себя богатый и разнообразный мир нашего современника.

Новая книга И. Александрова тематически разнообразна. Герои его стихов — земляки, пахари и воины, рядом с которыми он живет и работает.